

Анатолий Беляев

Территория геологии

ПЕРЕКАТЫ

Всю ночь у Геннадия ныло плечо – от ежедневной работы тяжелым молотком, от карабина, от рюкзака. А в последнем двухдневном маршруте он застудил руку, крепко уснув на холодной земле у костра.

Светало. Геннадий оделся и вылез наружу. Брезент палатки серебрился искрящимся инеем. Над рекой стелился холодный туман. Морозная тишина едва нарушалась задумчивым ворчанием переката. Забереги покрылись тонким прозрачным ледком и блестели как зеркала, отражая уже розовеющие облака. В небе вдруг раздался гул от шума крыльев многотысячных стай гусей и уток, летящих на Юг.

«Геологи как перелетные птицы, – подумал Геннадий, – весной, когда стаи косяками устремляются на Север, возникает радостное чувство сборов в экспедицию. А осенью, когда усталость от многокилометровых маршрутов и сплава по сибирским рекам, тяжелой тушей ложится на плечи, и в небе раздаются курлыканье улетающих журавлей, страшно хочется домой.

Для начала, пару дней отоспаться, а потом устроить настоящий кулинарный пир – чашечку крепкого кофе по-восточному с пенкой, потом астраханский арбуз, узбекскую дыню, и, конечно, ленинградское мороженое».

Из палатки вылез заспанный техник-геолог Вадим. В экспедиции с Геннадием он работал первый раз, но за его плечами было уже два полевых сезонов на Дальнем Востоке. В общем, парень работал неплохо. Только гонор у молодого мог быть и поменьше. Но Геннадий снисходительно относился к стремлению техника изображать из себя опытного полевика.

Сегодня предстоял заключительный сплав на резиновой лодке. Впереди почти тридцать километров, поэтому выехать надо как можно раньше, чтобы успеть до ледостава и к вечеру оказаться на базе партии.

Геннадий вдруг вспомнил своего рабочего и друга Папу Кима. Несколько сезонов подряд в начале лета Ким ждал Геннадия на аэродроме геологического поселка. И они вместе отправлялись сплавливаясь по рекам.

Лихая судьба и алкогольная зависимость обрекли Кима на долгие годы скитаний по Сибири, убогим геологическим поселкам и лесобиржам. За большую житейскую мудрость Геннадий называл Папу Кима: «мой Дерсу Узала». Мать Кима жила в поселке под Ленинградом и мечтала перед смертью увидеть сына. В конце прошлого сезона Геннадий твердо решил увезти Кима домой в Ленинград, и вернуть сына старушке матери. Даже не отдал ему зарплату за сезон, справедливо опасаясь, что после трех месяцев воздержания, рабочий

начнет пьянствовать. И тогда говорить с ним уже бесполезно. Но Ким обманул охрану и сбежал на аэродроме, выломав доску в задней стенке туалета. Он оставил записку, в которой просил отдать заработанные деньги матери.

«Верни мне сына», – умоляла Геннадия маленькая сморщенная старушка.

Но этим летом Ким его не встретил. Геннадий напрасно разыскивал и ожидал его появления целую неделю, и был вынужден отправиться на работу в тайгу.

«Где ты, Папа Ким? Живой ли? Как теперь смотреть в глаза его матери».

Геннадий нанял нового рабочего – угрюмого вида парня по имени Гиви. По слухам он впадал в запой даже от небольшой дозы алкоголя. Так бывает у некоторых несчастных людей, ставших алкоголиками, минуя стадию бытового пьянства. Какого-то гена у них не хватает, или наследуется неблагоприятная комбинация отклонений в нескольких генах.

Оказалось, что рабочий вовсе не грузин, как следовало из его имени, и в поселке его почему-то называли Похмеляйнен. Геннадий чуть не записал эту фамилию в трудовой договор по найму. Но оказалось, что его настоящая фамилия Тервяйнен, от финского слова со значением «здоровый». От отца грузина Гиви унаследовал красивое имя и гордый орлиный профиль, а от матери финки сверхъестественную молчаливость. За весь день он порой мог произнести только: «Да», или, в крайнем случае: «Да, дела!»

Как в классическом финском анекдоте:

Два финна отец и сын целый день молча рубили лес. Когда стемнело, сын присел на ствол дерева и сказал:

«Фу, ну и устал!»

«Ну и трепло!» – неодобрительно заметил отец.

«Ты Кима не встречал? – поинтересовался Геннадий у нового рабочего на всякий случай.

Гиви махнул рукой куда-то в сторону, типа: «Там».

Геннадий понял, что его не разговорить, и спросил:

«Он живой?»

Гиви пожал плечами: «Что ему делается».

На парне была надета старая школьная форма, лопнувшая по швам на мускулистой фигуре, и резиновые галоши на босую ногу. Нетрудно было догадаться, что это «подменок», а свою одежду он пропил. На боку, на тонком ремешке висел классический финский нож «пуукко». Это было единственное богатство, с которым Гиви не расставался ни на секунду, и никому не давал в руки даже посмотреть.

«За что сидел?» – Геннадий посмотрел трудовую книжку.

«Пуукоттаа», – коротко ответил Гиви, дотрагиваясь до ножа.

От отца, воевавшего в финскую кампанию, Геннадий знал, что пуукко – традиционный финский нож с деревянной ручкой, а пуукоттаа – глагол, означающий «резать ножом» – в смысле колоть, наносить раны или убивать. Ясен пень, что Гиви кого-то пырнул ножом, но не сильно, так как отсидел всего два года.

«Пууккоюнккари», – добавил Гиви, ткнув пальцем себе в грудь.

Этого слова Геннадий не знал, но потом ему рассказали, что на финском языке оно обозначает хулигана, вооружённого ножом. Поэтому местные побаивались финна, так как знали, что он может пустить в ход свой пуукко без всякого предупреждения и скандала.

Новый рабочий тут же получил комплект геологического снаряжения – противоэнцефалитный костюм, сапоги, накомарник, марлевый полог и спальный мешок.

В работе Гиви не было равных. Он мог без устали грести сутками. И всегда оставался меланхоличным и безмолвным.

Однажды Геннадий случайно взял Гиви за руку выше локтя и с удивлением обнаружил, что мышцы у парня твердые словно канаты. И ладонь длинная с узловатыми как сучки пальцами.

За весь сезон Геннадий ни разу не пожалел, что взял Гиви на работу. Ему в жизни везло на хороших людей.

Для сплава из надувного резинового понтона соорудили настоящий корабль. Под днище подвели толстый брезент, чтобы не порвать резину на острых камнях перекаатов. Жесткий прямоугольный каркас из жердей прикрепили к понтону, так что по бокам получились высокие фальшборты. В центральной части оборудовали камбуз – установили печь с железной трубой, чтобы можно было отогреть замерзшие от холодной воды руки и вскипятить чайник. Корабль с дымящейся трубой смотрелся как настоящий таежный «броненосец».

Быстро погрузились и отчалили. На ходу позавтракали консервами и вскипятили воду для чая. Река то разливалась широким плесом, и гребцы налегли на весла, то сужалась, и лодку разгоняло на перекате. Тогда гребцы убирали весла, и сплав целиком зависел от искусства рулевого. Налететь на камень или застрять на мели, значило потерять время.

Солнце то скрывалось за темными снеговыми тучами и на реке становилось пасмурно и неуютно, то вдруг озаряло сразу похорошевшую реку, словно поджигая багряные осины и пожелтевшие лиственницы по берегам. В середине дня с севера задул пронзительный ветер, и сразу похолодало. Мелкие спокойные заливчики покрылись тонким хрупким ледком. Ночью река определенно замерзнет на широких и мелких плесах, а на шиверах и перекатах лед встанет только через несколько дней.

Два года назад ледостав застал Геннадия и Кима во время сплава в полусотне километров от поселка. Так полевой сезон у Геннадия еще не заканчивался. Но, повезло, это случилось у охотничьего зимовья. Пришлось ждать несколько дней, когда на реке встанет прочный лед. Продукты уже закончились, но таежный Бог их пожалел и рядом с избушкой Ким подстрелил жирного осеннего оленя. Геннадий с удовольствием вспоминал, как они жили в зимовье. Наконец-то, отоспались за три напряженных маршрутных месяца и отъелись вареным мясом. Днем Ким на костре заготавливал в дорогу оленину, отваривая полоски мяса в ведре с солью и подвяливал их в дыму. А потом они вечеряли у гудящей печки, при свечах листая старые журналы «Огонек» и

«Крокодил». Охотники завозили соль, продукты и снаряжение на нартах по льду.

Когда замерзли шивера и перекаты, Геннадий смастерил для резинового понтона деревянные полозья из жердей. Импровизированные сани легко скользили по льду замерзшей реки, но когда попадались участки, замеченные снегом, толкать нагруженный понтон становилось очень тяжело. Они хорошо отдохнули, так что до поселка добежали за два дня. А по пути жевали вяленое мясо. И закончился тот полевой сезон на «отлично», если не считать, что несколько раз они все-таки провалились под лед.

Вадим окончательно выдохся и бросил весло.

– Не могу больше, давайте отдохнем и перекусим.

– Доплыть до базы партии надо сегодня. Если не успеем, ночью река встанет. И тебе придется тащиться в оленеводческий колхоз нанимать оленей и вывозить образцы и снаряжение.

– Тогда я буду грести «до упаду».

– Садись за руль, передохни, вскипяти чайник и разогрей консервы. В моем выючнике две банки рисовой каши со свиной тушенкой.

– Откуда такое богатство?

– Это НЗ, завхоз подарил по старой дружбе. Специально держал для такого случая. А я немного погребу левой рукой.

Весь сезон Геннадий никому не доверял управление лодкой, и всегда сидел за кормовым веслом. Грести пришлось недолго, начались перекаты. Рулил Вадим плохо – лодку носило на быстрине от берега к берегу,

как автомобиль у пьяного водителя. Но это только доставляло технику удовольствие.

«Все перекаты, да перекаты,
Послать бы их по адресу,
На это место, уж нету карты,
Плывем вперед по абрису».

Горланил Вадим свою любимую песню.

Отражаясь от скалистых обрывистых берегов эхо многократно повторяло слова.

На повороте лодку затащило под кусты, свисающие с берега. Геннадия словно причесали веником. Лодку засыпало мокрыми пожелтевшими листьями и каким-то мусором.

– Ну, куда тебя черт несет в стремнину под самый берег, – не выдержал Геннадий.

– У вас своя техника сплава, у меня своя, – невозмутимо ответил Вадим.

Плечо вдруг разболелось так, что Геннадий тихо застонал.

Вадим это заметил и предложил:

– Михалыч, ты садись за руль, мы сами управимся, верно, Гиви?

Рабочий безразлично пожал плечами.

– Если успеем сегодня приплыть к базе партии, то ужин и ночевка в тепле, – подбодрил Геннадий гребцов, – а если до темноты, может быть, еще и в баню попадём. Какой сегодня день недели?

– Черт его знает. В тайге дни недели не нужны. Да и число не помню.

– Пятница, – вдруг сказал Гиви.

– Тогда сегодня в партии баня.

– А баня хорошая?

– Высший класс.

– Ну, Михалыч, тогда я вылечу твое плечо. А ты, Гиви, любишь париться?

Рабочий промолчал с видом мудрого финна, который не любит зря трепать языком.

– Уж я и тебя попарю, будь спокоен, – пообещал Вадим.

Руководил этой геологической партии однокашник Геннадия по горному институту Руслан Богатырев. В те времена студенты по группе звали его просто Слон из-за внушительных габаритов.

Руслан очень уважал Геннадия, который в студенческие времена помогал ему в учебе. Геннадий единственный в группе окончил горный институт с красным дипломом и первый защитил кандидатскую диссертацию.

Но и Руслан стал начальником крупной урановой партии, и считал, что именно они – геологи поисковики дают стране уран. И к науке относился скептически.

«Мой сосед объездил весь Союз. Что-то ищет, а чего – не видно!» – это про вас ученых Высоцкий поет», – подсмеивался Руслан над Геннадием.

«А дальше там про вас поисковиков есть: «Я б в Москве с киркой уран нашел, при такой повышенной зарплате!»

«Да мы в этом году одиннадцать урановых рудопроявлений нашли», – обижался Руслан.

«Мелочь искать дело не хитрое, структуру надо выявить, в которой может залегать крупное месторождение».

«Вот и укажите нам такую структуру, раз вы такие умные, а за нами дело не станет – разведаем», – обижался Руслан.

В прошлый сезон Геннадий нашел гаммааномалию на берегу реки у самого переката. Искать рудопроявления урана не входило в задачи его маленького научно-го отряда. Он изучал территорию для оценки перспектив находки крупных урановых месторождений. Но все равно, находка гаммааномалии была важна для прогноза и доказательства местным геологам, что и наука может заниматься поисками.

Руслан не обрадовался находке аномалии, на территории поисков его партии. Это значило, что они плохо работали. Но аномалию надо был посетить.

Геннадий, Руслан и главный геолог партии на лодке добрались до аномалии. Она тянулась узкой полосой вдоль реки. Коренных выходов пород не было поэтому выкопали небольшой шурф, гамма активность увеличилась.

«Канаву здесь надо проходить до коренных, а там посмотрим, – констатировал главный геолог, – как назовем аномалию»?

«Быть может, «перекатная»? – предложил Геннадий, – рядом река и перекат».

«Из соображений секретности в нашей партии все аномалии называют именами деревьев: хвойная, кедровая, стланиковая», – заметил Руслан.

«Тогда, быть может, «липовая»? – сострил Геннадий, намекая на другое значение этого слова.

«Липы в этой местности не растут, – не понял юмора Руслан, – подумаем и решим».

Как потом Геннадий узнал, аномалию назвали «дубовая», хотя дубы в этой местности тоже не росли. Наверное, в честь ученых первооткрывателей. Сквитался все-таки Руслан с лучшим другом.

– Справа по курсу гаммааномалия «дубовая», – прокомментировал Геннадий, когда они проплывали мимо затесанного столбика на самом берегу.

Уже смеркалось, когда из-за поворота реки показался лагерь партии. В палатках зажгли керосиновые лампы, и они уютно засветились на фоне горящего в полнеба северного сияния. Над железными трубами курились сизые дымки. На берегу стоял бревенчатый сруб экспедиционной бани. Из трубы столбом вылетали искры, значит, еще никто не мылся.

От бани в реку шли мостки. Какая-то женщина полоскала белье в ледяной воде. Броненосец, дымя печной трубой как настоящий боевой корабль, торжественно причалил к пирсу.

– Отдать швартовы, – зычно крикнул Вадим, словно капитан корабля.

Женщина выпрямилась и оказалась великаншей, чуть ли не двухметрового роста. Ее обнаженные сильные как у мужчины руки покраснели от ледяной воды. Геннадий узнал в женщине техника геолога Женю Богачеву.

Окончив геологический техникум на Урале, Женя приехала по распределению в урановую партию. В тот же год вышла замуж за немолодого, невзрачного мужика – бурового мастера. Все терялись в догадках – чем он ее обаял. И у Жени началась хроническая бере-

менность. Трех крепких малышей она родила за четыре сезона без отрыва от работы. Иногда ревнивый муж ее поколачивал. Стыдливо прикрывая рукой синяк под глазом, она объясняла своим подругам:

«Случайно ударилась о стойку в камералке».

Но подруги все понимали и возмущались:

«Что ты не поддашь ему как следует, чтобы руки не распускал?»

«Боюсь зашибить, рука у меня тяжелая, – смущалась Женя, – а мужик он ничего, дети его любят, я тоже. Это он по-пьянке вчера раздухарился, бражку я у него отняла, вот он и допрыгнул. А когда связанный, так он вообще тихий и ласковый как ребенок – все прощенья просит: «Прафти, я офыбался».

В партии даже ходила такая эпитафия: «Обидеть Женю может всякий, не каждый сможет убежать».

Женя была лучшим игроком в волейбольной команде экспедиции. При росте метр девяносто и весе около восьмидесяти килограммов она обладала сокрушительной подачей, которую не могли принять даже мужчины. Высоко подбросив мяч, она наклонялась вбок и ладонью почти от самой земли по окружности наносила страшной силы удар. При этом она еще и закручивала мяч, так, что он врезался в землю недалеко за сеткой. Игроки из команды противника и не думали его принимать, а старались оказаться в этот момент просто в другом месте. При такой подаче Женя всегда играла на одном поле, так как мяч мог ускакать в реку. Такая подача называлась крюк. Геннадий однажды тоже пытался ее освоить, но только отбил запястьем правой руки. Если Женя резала мяч, то всегда попадала в

поле. «Оказаться в нужное время, в нужном месте», как любят говорить некоторые спортсмены, это менее десяти процентов успеха. Главное – чувствовать силу удара и направление полета мяча. У сетки Женя резала мяч тоже крюком. Она выпрыгивала вверх легко и необычайно высоко, будто накачанная водородом. Игроки команды противников никогда не ставили блок, а старались оказаться вне зоны попадания мяча. Старый кирзовый мяч, как в песне Визбора: «если попадал кому-то в лоб, то можно смерть установить и без врачей».

Однажды приезжий геофизик москвич, не зная силы жениного удара, один смело выпрыгнул и поставил блок. Мяч попал ему в лицо. С переломанным носом парня отправили в город спецрейсом вертолета.

Женя помогла быстро разгрузить лодку. Легко подхватив таз с бельем, она отправилась в лагерь сообщить начальнику партии о прибытии геологов.

Гиви смотрел на женщину с восхищением. Наверное, и в его жизни была такая же.

Где-то в тайге затарахтел дизель-генератор. Для экономии солярки его включали лишь вечером на три часа.

Через пару минут на берегу появился Руслан. Обнял Геннадия и распорядился:

– Вещи оставьте в хозяйственной палатке, а на ночь устроитесь на полу в камералке. Там есть печка и тепло.

Руслан отправился лично показать Геннадию и Вадиму временное жилье. Тут к ним подошла симпатичная девушка и без всякого приветствия затараторила:

– Руслан Григорьевич, сколько можно держать меня на чертежной работе, как я буду писать курсовик?

Геннадий отметил про себя, что у девушки красивое лицо, очень подвижное и выразительное, но без гримас.

Вдруг девица заметила Вадима и замолчала. Как образно пишут в романах: «словно пораженная молнией». Тут Геннадий почувствовал, как в унисон забились их сердца. Вот она, такая любовь с первого взгляда.

– Алена, видишь, я занят, – Руслан провел Геннадия в бревенчатый домик камералки.

Вадим и Алена остались у крыльца.

– Пока выходные, можете разместиться здесь. Отличная печка. Чтобы не нарушать рабочий порядок, спальники расстелите под большим столом.

На крыльце разговаривали Вадим и Алена.

– А разве «перекаты» ваша песня? – наивно спросила Алена

– Моя, – не моргнув глазом, соврал Вадим.

– Перекаты это песня Городницкого, – погрозил пальцем Руслан.

– Ну, да, Городницкого, – Вадим пристально смотрел на Алену, – и у меня тоже есть песня перекаты.

– Так должно быть, я вашу песню и слышала. Вы нам что-нибудь споете? У нас есть небольшой клуб любителей бардовской песни. Мы собираемся вечером в столовой палатке. Придете?

– Обязательно.

Как потом рассказала жена Руслана Александра, парни ходили в этот клуб исключительно из-за Алены.

– А что у тебя с рукой? – Руслан заметил, как поморщился Геннадий после его дружественного хлопка по плечу.

– Застудил, когда спал на холодной земле, мозжит, мочи нет.

– Ну, это мы вылечим. Сегодня уступаю вам право первого пара, – торжественно закончил Руслан, – баня готова.

Это был царский подарок. Уставший организм требовал большого тепла.

Руслан всегда строил баню на базе партии под себя – с высокой парилкой. А чтобы всем хватило пару, складывали большую каменку с проточным огнем.

Начальника в партии уважали за справедливость. Единственная привилегия, которую он себе позволял, и которую никто не оспаривал – это право первого пара.

Пар был отменный. Геннадий лежал на лавке, а Вадим хлестал его сразу двумя вениками. Раскаленный воздух обжигал легкие, и Геннадий пристроился дышать над ковшом с холодной водой.

Наконец Геннадий не выдержал, сполз с лавки и выскочил в холодный предбанник.

Вадим переусердствовал и так поддал на камни, что даже сам присел от жара. Гиви сидел на самой верхней полке, как ни в чем не бывало.

– Тебе не холодно? – удивился Вадим, – может еще поддать?

Рабочий молча пожал плечами: «делай, как знаешь». Вадим кинул два ковша горячей воды на раскаленные камни и выскочил из парилки.

– Сейчас вылетит наш Гиви как ошпаренный, – сообщил он Геннадию в прохладном предбаннике.

Но никто из парилки не вышел.

– Неужели сварился? – испугался Вадим.

Он хотел открыть дверь в парилку, но услышал шипение пара, это Гиви поддавал на камни. Зайти в парилку Вадим не решился, там было атомное пекло.

– Да что он, железный что ли?

– «Уж я тебя попарю», – Геннадий напомнил Валере его фразу в лодке, – А сам под дверями стоишь, и даже войти боишься. Кого ты хотел паром испугать, финна? Он там сидит и, наверное, думает о тебе: «трепло!»

К бане подошел Руслан с двумя вениками под мышкой и бидончиком с квасом.

– Как там пар? – поинтересовался он.

– Высший класс, – ответил Вадим.

– А кто в парилке?

– Наш кадр замерзает на верхней полке, – усмехнулся Вадим.

– Сейчас отогреем, – Руслан разделся, плеснул в ковш квасу, для того чтобы поддать на камни, и зашел в парилку. Послышалось яростное шипенье пара, и даже через дверь в предбанник проник запах печеного хлеба от кваса испаряющегося на камнях. Через несколько минут Руслан выскочил, красный, словно вареный рак, разбежался по мосткам и бомбой рухнул в реку. Вынырнув чуть ли не на середине, он заорал от удовольствия, и с дальнего плеса взлетела испуганная стая уток.

– Что это за кадр, там, в парилке? – поинтересовался Руслан, разливая по кружкам шипучий домашний квас.

– Наш рабочий, истосковался по бане за три месяца.
– Он что, глухонемой?
– Просто молчаливый, финны трепаться не любят.
– Он финн?
– Наполовину грузин.
– Не думал, что кто-то сможет меня перепарить.
– Он еще и не на такое способен! – философски заметил Геннадий.

– После бани приглашаю в гости, моя десятиместная шатровая палатка за камералкой. А свой вагончик уступил Жене Богачевой, у нее трое детей.

Из парилки наконец-то вышел Гиви, молча проследовал по мосткам и тоже нырнул в реку.

– Прием будет по высшему разряду, – предупредил Руслан.

Геннадий вспомнил, как в Ленинград в командировку приехал из Сибири начальник одной из геологических партий. Он здорово помогал в экспедиционных работах научным тематическим отрядам института. Поэтому все засуетились, чтобы оказать высокому гостю прием по высшему разряду. В культурной программе стояло посещение дворцов Пушкина и Павловска. Туда можно элементарно добраться на электричке, но в институте для этого мероприятия выделили УАЗик.

На другой день Геннадий поинтересовался у водителя, как прошло культурное мероприятие.

«Прием оказали по высшему разряду, – отчитался водитель, – они туда ехали и постоянно пили, в Пушкине запаслись и всю обратную дорогу тоже пили. Всех развез по домам и гостиницам. Никто ничего не

помнит. Поэтому, я считаю, прием был по высшему разряду».

На столбе у камералки висел репродуктор, из которого звучали песни бардов, записанные на магнитофонную пленку. И вдруг из динамика послышался голос Вадима, исполняющего песню про дальний маршрут. В геологической среде Вадим был известен как автор нескольких популярных геологических песен. Но в этой партии он был впервые и никто его не знал. Как на радиоузле оказалась пленка с записью его песен, так и осталось загадкой. В этой партии не было ни одного гитариста, но петь любили. Поэтому вечером заезжего барда ждали в столовой.

– Михалыч, ты иди в гости один. Вы с начальником кореша, а мы не к месту, на примусе ужин разогреем. Верно Гиви?

Рабочий пожал плечами, но можно было догадаться, что он был не прочь выпить в гостях.

После ужина Вадим взял зачехленную гитару и собрался идти в столовую партии. Гиви отправился с ним. Как только ребята вышли из домика, так сразу были встречены представительной делегацией. Возглавляла ее Женя Богачева. Она подошла к Вадиму, и дружески протянула ему широкую ладонь:

– Женя, – представилась она, – а мы вас ждем, все уже собрались.

Вторым членом делегации оказалась Алена.

По-военному, как настоящий офицер-артиллерист, Вадим оценил обстановку и принял решение. В партии никто не знал его в лицо. Он отвел Женю к самому ок-

ну камералки, так что Геннадию стало слышно каждое их слово.

– Видите ли, Женя, настоящий бард это он, – Вадим указал на Гиви, исподлобья смотревшего в их сторону, – а я лишь удостоен чести носить его гитару. Вы не смотрите, что маэстро с виду такой угрюмый. Он напускает на себя, чтобы сосредоточится перед выступлением. А вообще-то он весельчак, хохотун и, конечно же, певун. Только я должен вас предупредить, что, как и большинство творческих личностей, маэстро слегка прибабахнутый. Для начала станет ломаться и загибать, что не умеет играть на гитаре и петь, и что вообще он не Вадим. Но вы не смущайтесь и главное ему не перечьте. Так, со смехом полегоньку. Ну, если есть, поднесите несколько капель чего-нибудь горячительного, для разгона так сказать, и, уверяю вас, обхохочетесь. И главное, больше ласки. – Вадим сунул гитару в руку Жени. – Я, к сожалению, не смогу присутствовать на концерте, так как надо дать ценные указания студентке Алене по поводу курсовой работы.

Женя в соответствии с полученной инструкцией подошла к ничего не подозревающему Гиви, взяла его под руку и повела в столовую. Вадим смело взял Алenu за руку и они отбыли в противоположном направлении.

Гиви продержался в столовой полчаса. Сначала он недоуменно таращил глаза и словно глухонемой махал руками, когда ему пихали в руки гитару и просили спеть что-нибудь свое. Потом, когда поднесли кружку со спиртом, слитым из всех лабораторных спиртовок,

он проявил некоторую болтливость и многозначительно произнес:

«Да, дела!»

Одним махом осушив кружку неразведенного спирта, Гиви стал судорожно хватать ртом воздух, но ему сразу же поднесли банку с черничной водой.

Наконец, уговоры «спеть что-нибудь свое» подействовали, и Гиви затянул древнюю песню финских лесорубов. Но ценители бардовской песни восприняли ее как нечленораздельные пьяные вопли.

Спирт подействовал на Гиви очень быстро. Если для краткости описания последующих событий воспользоваться точным и сухим языком милицейского протокола: «после распития спиртных напитков, утратил над собой контроль и, не приходя в сознание, был доставлен по месту жительства».

За Геннадием пришел Руслан.

– Собирайся, Саша приготовила твои любимые блюда.

– Какие?

– Помнишь, студенческие застолья у тебя на квартире?

– Тогда все было просто и скромно – капуста и картошка с нашего садового участка.

– А картофельные котлеты с грибной подливкой, а блины с рыбой под сметанным соусом, а голубцы? Как твоя мама готовила, а ты и не замечал. Мне казалось, что на свете нет ничего вкуснее этих блюд. Я тогда страшно завидовал и думал: какой же Генка счастливый, мать и отец живы, здоровы, своя отдельная ком-

ната и кормят такой вкуснятиной, что сознание можно потерять. Будешь тут на одни пятерки учиться. А мама твоя все мне подкладывала и приговаривала: «ты меня не обманывай, что сыт, сирота всегда голодный».

Тогда в общежитии не то чтобы голодали, но всегда хотелось есть. Тетка пришлет с Кубани кусок сала к празднику, а нас в комнате десять человек. Однажды мне вообще ничего не досталось, все слопали, и не заметили, что меня нет в комнате.

– С твоим аппетитом, надо было поступать в военное училище. Говорят, что при высоком росте там положена двойная порция еды.

– Если честно, были такие мысли. И на лекциях не мог сосредоточиться, все думал: «вот, стану горным инженером, начну прилично зарабатывать, и каждый день буду есть блины с рыбной помачкой, голубцы и картофельные котлеты с грибной подливкой».

– Ну, и как, сбылось мечта?

– Первый год Сашенька терпела и готовила почти каждый день, а потом взбунтовалась, говорит: «у сковороды насквозь пропиталась запахом твоих блинов, рыбы и картофельных котлет».

Вечеринка прошла скучно. Главный геолог партии решил показать Геннадию, что он, хоть и не кандидат наук, но тоже кое-что понимает в геологии. Они с Геннадием зацепились языками и весь вечер проспорили. Даже Сашеньке не удалось их остановить.

Разошлись поздно. Где-то далеко в тайге еле слышно тарахтел дизель-генератор буровой установки. На небе сверкали яркие звезды. Подморозило, и под нога-

ми хрустела замерзшая трава. Руслан проводил Геннадия до камералки.

В помещении было холодно особенно после жарко натопленной палатки. Валеры еще не было, а Гиви лежал одетый поверх спальника и храпел. Геннадий не стал растапливать печку, укрыл парня полушубком и завалился спать.

Ночью в камералку несколько раз заходили какие-то мужики, светили фонариками и потом долго матерились под самым окном. Они всю ночь искали ленинградского барда и Алену.

Рано утром, когда Геннадий и Гиви еще лежали в спальных мешках под столом, явился Вадим. Он сел на табуретку посередине камералки и, немного смущаясь, объявил:

«Слышь, Михалыч, я женился!»

В партии все были удивлены, что неприступная Алена, любви которой весь сезон добивались мужики, вдруг сразу вышла замуж, как только увидела незнакомого парня.

Перед обедом к Геннадию подошел Гиви и попросил пять рублей в счет зарплаты.

– Зачем? – удивился Геннадий, зная, что магазина здесь нет, а продукты в личный забор отпускают «под запись», и потом вычитают из зарплаты. Очевидно недавняя выпивка растравила душу рабочего, и ему захотелось опохмелиться. Здесь в партии не очень-то запьешь, но пару литров браги достать можно. А в поселке, после получения трехмесячной зарплаты, рабочий обязательно попадет в запой.

Геннадий понимал, что с Гиви надо срочно провести воспитательную беседу. Было мало шансов вылечить словами многолетнюю алкогольную зависимость, но попробовать следовало. И еще Вадим подставил его с этой неожиданной выпивкой.

Рабочий был невероятно упрям, и если что-то решал для себя, то это навсегда, и переубедить его невозможно. Поэтому следовало так построить беседу, чтобы Гиви как бы сам принял решение бросить пить. И упираться на национальную гордость. Из-за природной молчаливости разговаривать с рабочим следовало так, что бы он мог отвечать односложно.

– Где живут твои родители?

– Карьяла.

– У них, наверное, свое хозяйство и баня на берегу озера. Сколько лет дома не был?

– Пят! – ответил Гиви с грузинским акцентом, унаследованным, вероятно, от отца. Впрочем, слова: сол, фасол и вермишел он также произносил без мягкого знака, в отличие от слов: вилька и тарелька.

– Хочешь вернуться домой?

Гиви пожал плечами.

– Через три дня в поселке я выдам тебе зарплату за сезон. И ты сразу ударишься в запой, по глазам вижу. Деньги пропьешь, или потеряешь или украдут, хорошо, если по-пьянке не зарежут, или ты сам кого-нибудь «пуукоттаа».

Гиви молча уставился в пол.

– А финны унижаться и просить не могут, – продолжил Геннадий, – значит, будешь голодать в ожидании какой-то работы.

Гиви вздохнул, подтверждая, что все именно так и было в течение пяти лет, и так и случится опять.

– Ты же финн, у тебя должна быть железная воля. Вырви из сердца Зеленого Змия, навсегда.

Гиви сердито засопел, видимо он и сам собирался так поступить.

– Давай, вернемся в Ленинград вместе, справим тебе костюм, белую рубашку, галстук...

– И шляпу, – вдруг оживился Гиви. Очевидно, он не раз представлял себе картину возвращения блудного сына.

– Конечно, и шляпу, – Геннадий обрадовался, что сходу не нарвался на тупое упрямство алкоголика, – купишь всем подарки. Наверное, и девушка тебя ждет?

– Анна Кайса.

– Невеста?

Гиви утвердительно кивнул головой.

Геннадий слышал, что у финнов если парень с девушкой на людях вместе пили кофе, то это уже считалось помолвкой. А девушка Гиви, наверное, похожа на Женю. Не зря он тогда на причале смотрел на нее с восхищением.

– Уж, обрадуется Анна Кайса подаркам Гиви Тервьяйнена, – произнес Геннадий, подражая героям своего любимого кинофильма «За спичками».

Гиви даже слегка покраснел, живо представив себе такую сцену. По всему было видно, что он принял важное решение, быть может, на всю жизнь.

– И помни, слово финна тверже гранита! – с пафосом произнес Геннадий, чтобы окончательно закрепить успех.

Гиви промолчал.

– Учти, ты себе слово дал. Нарушишь, уважать себя перестанешь. А если человек не уважает сам себя, то и люди его не будут уважать.

Гиви так посмотрел на Геннадия, будто последние слова были уже лишними. Финны трепаться не любят!

Рабочий молча взял топор и отправился колоть дрова.

– И завтра на отвальной ни грамма, – крикнул ему вслед Геннадий.

– «Обижаешь, начальник», – взглядом ответил Гиви.

Геннадий обедал у Руслана. В палатку начальника партии явилась Алена и попросила расчет.

– С какой радости? – удивился Руслан.

– Я выхожу замуж.

– Поздравляю, и кто избранник?

Алена посмотрела на Геннадия.

– Неужели он? – Опешил Руслан.

– Нет, его сотрудник Вадим.

– Ну, у тебя и сотрудники, за один день охмурил. А когда свадьба?

– Через месяц в Ленинграде.

– А как же мы?

– Если приедете в Ленинград, приглашаю.

– Зачем в Ленинграде, завтра и сыграем геологическую свадьбу прямо здесь.

– Как это? А как же платье, фата? – опешила Алена.

– Организуем. Сашенька, – обратился Руслан к жене, – помоги невесте с нарядами.

Женщины ушли за перегородку.

– Я ухаживал за Сашенькой два года, прежде чем решился сделать предложение, а тут от встречи до свадьбы всего сутки, – вздохнул Руслан.

– Женщины придумывают себе идеал, и когда его встречают, то уже не задумываются. Алена, наверное, всегда мечтала выйти замуж за барда. И как только первого увидела, так дело и решилось.

В партии был сухой закон, так как спиртное не завозили. Недовольным, обвинявшим его в нарушение прав человека, Руслан объяснял, что все кто находится на полевых работах, имеют ненормированный рабочий день и считаются занятым круглосуточно. За что и получают дополнительную плату. А по трудовому законодательству на работе употреблять алкоголь нельзя.

Но, как опытный руководитель Руслан понимал, что мужикам пора расслабиться, утолить жажду и заодно обнулить запасы подпольного алкоголя. Поэтому он объявил, что в воскресенье состоится свадьба Алены и Вадима. А мужики если начнут, то не остановятся, пока не выпьют все заначки.

По количеству сахара, взятого геологами и рабочими в личный забор, было совершенно ясно, что практически все сотрудники партии настаивали брагу.

Из репродуктора на столбе в центре лагеря гремел свадебный марш Мендельсона. Невеста была неотразима в свадебной фате из белого марлевого полога и шляпке из накомарника. Стол накрыли на волейбольной площадке. В стеклянных банках стояли поздние осенние цветы.

Руслан, как начальник партии и представитель власти, объявил их мужем и женой.

– Мы почти не знаем жениха, поэтому наказ: смотри, не обижай Аленушку, – обратился Руслан к Вадиму, – наши мужики по ней с ума сходили весь сезон, а она выбрала тебя. Я знаю, что некоторые любители бардовской песни из ревности хотели ребра тебе пересчитать и не сделали этого только из уважения к Алене. Запомни, если узнают, что обидел, и в Ленинграде достанут.

У Руслана все было под контролем.

Мужики по очереди поздравляли и целовали Алену. Вместо шампанского пили пенистую брагу.

Когда закончилось спиртное, разгоряченные мужики устроили соревнование по борьбе на руках. Для этого в партии изготовили даже специальный столик.

Гиви стоял в толпе болельщиков и никак не выказывал своих эмоций. Когда все пошло уже по третьему кругу, вдруг вспомнили про Гиви и насильно усадили его за игровой стол. И тут Гиви без видимого усилия поборол на руках, всех мужиков подряд. Рабочие возопили и призвали к столу начальника партии. Руслан считался непобедимым и поэтому в соревнованиях не участвовал.

– Сейчас ты увидишь, как надо бороться, – злорадно кричали проигравшие мужики недовольные всеобщим поражением.

– Вы давно занимаетесь ристрестлингом? – важно спросил Руслан.

Гиви вытаращил глаза. Такое слово он слышал впервые и вряд ли смог бы его повторить. Оно относилось к разряду трудновыговариваемых слов.

– Ристрестлинг был особенно популярен среди моряков в береговых тавернах и на кораблях, – рассказал Руслан, усаживаясь за игровой стол. – Правила единоборства в те времена были очень простые: соперники садились напротив друг друга, локти ставили на стол, и каждый, обхватив пальцами ладонь противника, старался пригнуть руку соперника к поверхности стола.

Гиви махнул рукой, «мол, хватит трепаться, давай бороться».

– В ристрестлинге существует три основных стиля борьбы — через верх, борьба на бицепс и боковой стиль. У каждого из стилей есть своя постановка рук и ног. Вы, какой стиль предпочитаете?

Гиви безразлично пожал плечами.

– Почему спрашиваю, – не унимался Руслан, подавляя рабочего своей эрудиций, – в борьбе через бицепс постановка рук и ног такая же, как и в борьбе через верх, основное отличие в захвате пальцев.

Геннадии вдруг вспомнил эпизод из повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». В таверне Касабланки «старик», тогда еще молодой человек, состязался в силе с могучим негром, самым сильным человеком в порту. «Они просидели целые сутки друг против друга, крепко сцепив ладони и уперев локти в черту, проведенную мелом на столе. Из-под ногтей обоих противников сочилась кровь, и каждый пытался пригнуть руку другого к столу. Преимущество переходило от одного к другому всю ночь напролет. Негра поили ромом и зажигали ему сигареты. Выпив рому, негр делал отчаянное усилие, один раз ему удалось пригнуть руку «старика» почти на три дюйма. Но «старик» снова вы-

прямил руку. После этого он уже не сомневался, что победит негра, который был хорошим парнем и большим силачом. А на рассвете, когда люди стали требовать, чтобы судьи объявили ничью, «старик» внезапно собрал последние силы и стал пригибать руку негра все ниже и ниже, пока она не легла на стол».

Противники обнажили руки. Руслан демонстративно играл мощным бицепсом, на котором проступал узор кровеносных сосудов, как у гранитных атлантов Эрмитажа. Ладонь у него была широкая с крепкими толстыми пальцами. Рука Гиви напоминала ствол засохшего дерева с картины импрессиониста.

Мужики делали ставки, сколько секунд Гиви продержится. За своего рабочего болели только Вадим и Геннадий.

– Что вы предпочитаете для лучшего сцепления рук магнезий или мел? – продолжил Руслан.

Гиви промолчал.

– Обычно поединок обслуживают два рефери, или мы обойдемся без них?

Гиви безразлично пожал плечами.

После старта Руслан мастерски произвел вращение кисти и потянул руку противника на бицепс к своему полю. При этом он всё время старался сократить угол, подтягивая локоть к себе вместе с кистью.

Гиви никак не ожидал такого напора, и его рука стала клониться к столу. Мужики дружно заорали как моряки в портовой таверне. Те, кто поставил, на пятнадцать секунд, подбадривали его и призывали держаться. Сторонники более коротких сроков, требовали немедленной победы начальника.

Но тут Гиви собрался и восстановил равновесие к всеобщему разочарованию мужиков. Руслан тоже не ожидал такого сопротивления и стал давить через верх. Но рука Гиви стояла вертикально и неподвижно, словно забитый в землю железный лом.

Руслан сделал несколько отчаянных и безуспешных попыток одолеть соперника, но только зря потратил силу. Еще со студенческих времен Руслан отличался плохой выносливостью. Стометровку бегал быстрее всех, а на трехкилометровом кроссе приходил последним. Так уж был устроен его организм.

И тут Гиви без всякого видимого усилия пригнул руку противника к столу, словно это был не силач, а школьник.

Мужики ахнули.

– Просто удача, – произнес кто-то в толпе.

– Как говорят спортсмены: «Удача всегда приходит к самым сильным», – прокомментировал Геннадий.

Еще две схватки закончились с таким же результатом. Руслан проиграл. Он благородно пожал сопернику руку. Потом, вдруг достал из кармана бутылку коньяка и поставил ее перед рабочим.

Некоторые мужики были знакомы с Гиви еще по поселку и были уверены, что он сейчас жадно схватит бутылку, тем более он еще вчера целый день бродил в поисках опохмелки.

Гиви не шелохнулся, потом медленно повернул голову, ища взглядом Геннадия. В этот момент он боролся с противником, которому всегда проигрывал.

Геннадии исподтишка показал Руслану, что нельзя давать рабочему алкоголь, подошел к столу взял бутылку и положил к себе в карман.

– Так надо! – Руслан начальственным голосом пресек недовольные возгласы мужиков.

Гиви встал из-за стола вовсе не расстроенный, что у него отобрали коньяк, а довольный своей победой. Но об этом знали только он и Геннадий. А слово финна действительно железное!

Свадьба закончилась на рассвете у большого и жаркого костра на берегу реки. Над водой пролетали ключья холодного утреннего тумана.

От жениха потребовали песню.

– Перекаты! – дружно заорал народ.

После отъезда Алены в партии оставались лишь две замужние женщины. Поэтому мужики с особым чувством подхватили слова:

«А где-то бабы, живут на свете,
Друзья сидят за водкою,
Владеют камни, владеет ветер,
Моей дырявой лодкою».

На полевом аэродроме геологического поселка Геннадия ждал Папа Ким. Где он болтался все лето, рассказывать не стал, но седины в бороде явно прибавилось и над бровью появился новый шрам. Ким собирался передать для матери кое-какие деньги. Но Геннадий уговорил его вернуться в Ленинград, если он хочет увидеть мать живой, а не свести ее в могилу своим отсутствием.

Домой полетели втроем. Поздно вечером и из аэропорта на такси приехали на квартиру к Геннадию. На другой день он провожал рабочих на Московском вокзале. Ким на электричке уехал к матери в Саблино, а Гиви взял билет на мурманский поезд. Он был одет в костюм в широкую зеленую полоску и шляпу «тирольску» с перышком. Под пиджаком на тонком ремешке висел неизменный пуукко в кожаных ножнах.

Прощались молча. Гиви рассеянно думал о чем-то своем. Мысленно он уже подходил к старому финскому хутору на озере Куйто, где его вот уже пять лет, ждала верная Анна Кайса. После второго звонка он вдруг сунул руку под пиджак, достал нож в чехле, закрутил вокруг него ремешок и молча отдал Геннадию. Это значило, что в новой жизни Гиви смастерит себе другой пуукко, который уже никогда не запачкает человеческой кровью.